

На следующий день Чу Муюнь и его помощница Тянь Синцзы вылетели в Шанхай. Наследного Принца также перевозили рейсом авиакомпании, одобренной перевозчиком.

После приземления их забрала машина, присланная съёмочной группой.

В аэропорту царило оживление. Большая группа фанатов Ло И держала в руках плакаты, приветствуя своего кумира, и это было похоже на грандиозный митинг. Но это не имело никакого отношения к Чу Муюню.

Он сел в машину вместе с Наследным Принцем и направился в отель. Зарегистрировавшись на стойке регистрации съёмочной группы, он отправился в свой номер. Съёмочная группа забронировала все этажи выше 20-го, а роскошный люкс Чу Муюня находился на 26-м этаже — это были лучшие условия, которые он когда-либо получал.

— Учитель Чу, я в комнате 2103. Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится, — сказала Тянь Синцзы.

— Хорошо.

Чу Муюнь вошёл в свой номер и поставил на пол чемодан. По его просьбе в углу уже стояла большая клетка для кролика. Но Наследный Принц не хотел заходить внутрь и предпочитал кружить у его ног.

Он взял кролика на руки и поцеловал его. Ему было невыносимо оставлять сына в зоомагазине на время двухмесячных съёмок, поэтому он спросил у съёмочной группы, можно ли взять его с собой.

— Как только вы с отцом сблизитесь, я попрошу его остаться дома и позаботиться о тебе, — сказал Чу Муюнь кролику.

Наследный Принц ещё не был знаком с Лу Ханьчжаном, и Чу Муюню было не по себе оставлять его на попечение Лу Ханьчжана.

Подумав о Лу Ханьчжане, Чу Муюнь взял телефон и набрал его номер для видеозвонка.

Лу Ханьчжан быстро ответил.

На экране появилось лицо Лу Ханьчжана, снятое под ужасным углом снизу вверх, с нелепо выпирающим подбородком. Чу Муюнь подумал, не смущает ли его такой нелестный ракурс, но Лу Ханьчжан быстро отрегулировал камеру, и его красивое лицо снова появилось в кадре, прежде чем Чу Муюнь успел моргнуть.

Чу Муюнь ахнул.

Его никогда особо не впечатляли Великие Императоры, изображаемые в драмах, особенно в версии Ло И. Казалось, никто не замечал, насколько он хорошо сложен. Его собственный Великий Император обладал величественной осанкой дракона, грацией феникса и рельефным прессом. Он был не только усладой для глаз, но и настоящим зверем в постели.

Хе-хе.

Держа на руках Наследного Принца и создавая картину семейной гармонии, Чу Муюнь озвучил свои прежние мысли. В будущем, пока он будет на съёмках, Лу Ханьчжан будет оставаться дома и заботиться об их сыне.

— Я тоже часто езжу в командировки, — сказал Лу Ханьчжан.

— Значит, ты признаёшь, что ты отец моего сына? — поддразнил Чу Муюнь.

— Крестный отец? — Лу Ханьчжан прищурился.

— Вовсе нет. Я имею в виду его настоящего отца, того, кто указан в его свидетельстве о рождении.

Пока Чу Муюнь говорил, он заметил знакомый фон — кабинет генерального директора Лу Ханьчжана. На краю экрана в хрустальной вазе стоял знакомый ему букет оранжевых роз.

Он сохранил их.

Они ещё несколько минут поболтали о том о сём, прежде чем Чу Муюнь зевнул. Он был измотан после целого дня пути.

— Отдохни немного, — сказал Лу Ханьчжан. — Если тебе что-нибудь понадобится, напиши мне.

— Хорошо. — Чу Муюнь наклонился к наследному принцу. — Пожелай спокойной ночи своему отцу.

Наследный Принц послушно проворковал.

— Какой хороший мальчик.

Чу Муюнь сделал вид, что наклоняется для поцелуя, а затем резко повернулся и быстро чмокнул экран.

Он увидел, как на экране покраснело лицо Лу Ханьчжана. Мужчина, запинаясь, произнёс: «Спокойной ночи» — и повесил трубку.

Хех, успешная скрытая атака.

***

Чу Муюнь проснулся в своём гостиничном номере в 5 часов утра и сел в фургон с водителем, который привёз его на съёмочную площадку для нанесения макияжа.

Сегодня был день официальных фотографий персонажей.

На съёмочной площадке он познакомился с Чэн Юем, восходящей звездой, игравшим главную мужскую роль. Чэн Юй был красив и крепок, его рост составлял примерно 1,9 метра.

Чэн Юй был на удивление дружелюбен и кивнул Чу Муюню, который ответил ему улыбкой.

Ло И, актёр, исполняющий роль второго главного героя, ещё не приехал.

Сначала Чэн Юй сделал свои фотографии, затем настала очередь Чу Муюня.

Поскольку это была современная драма, Чу Муюнь взял с собой кое-что из своей одежды. У него был хороший вкус, и хотя он не мог позволить себе люксовые бренды, его одежда была далеко не дешёвой. Его рубашки, каждая из которых стоила несколько сотен юаней, отличались высоким качеством, которое не зависело от названия бренда.

Чу Муюнь любил покупать одежду и хорошо одеваться. Он тратил большую часть своего скудного заработка начинающего актёра на моду, предпочитая есть лапшу быстрого приготовления, лишь бы не жертвовать своим внешним видом.

После обсуждения со стилистом он примерил несколько нарядов, предоставленных съёмочной группой, а затем ещё несколько своих собственных.

При каждой смене одежды ему приходилось слегка поправлять причёску и добавлять подходящие аксессуары.

Аксессуары для съёмок были разложены на подставке для реквизита, корзина за корзиной, — ослепительное разнообразие, напоминающее магазин уценённых товаров за 5 юаней. Здесь было всё, что только можно себе представить: от солнцезащитных очков и чокеров до цепочек для свитеров, колец, серёжек и запонок.

По правде говоря, качество было таким же, как в магазине за 5 юаней. Украшения, разумеется, были полностью искусственными, сделанными из смолы или стекла.

Эти аксессуары будут лишь ненадолго мелькать в кадре. Во время постпродакшена цветокоррекция и фильтры ещё больше скроют их подлинность. Зрителям будет сложно отличить настоящее от поддельного на экране.

Изначально Чу Муюнь должен был сняться в шести костюмированных сценах, но, поскольку Ло И ещё не приехал, режиссёр попросил его сняться ещё в нескольких.

Не каждый наряд в итоге попадал в дораму, отбирались только те, которые лучше всего подходили персонажу. Если вариантов было недостаточно, актёрам приходилось срочно бежать в ближайший торговый центр за покупками. К счастью, Чу Муюнь взял с собой много своей одежды, так что в этом не было необходимости.

Режиссёрская команда сидела в ряд под платформой, и их лица сияли от удовольствия при виде его появления.

Инвесторы навязали им Чу Муюня, о котором ничего не было известно и который ранее не сотрудничал с режиссёром. Режиссёр согласился взять его только из-за финансовых трудностей, всё ещё сомневаясь в его актёрских способностях.

Но теперь, когда они увидели его в костюмах, стало ясно, что он идеально подходит на эту роль.

Гу Минлунь, третий главный герой, был приёмным сыном богатой семьи Гу, которого взяли в семью после того, как пропал их настоящий наследник. Выросший в роскоши, он был умным, гордым и избалованным. С детства купаясь в обожании, он вёл себя высокомерно, словно говоря: «Нужно быть слепым, чтобы не обожать меня». Когда он был одет в простую одежду, родинка в уголке его левого глаза добавляла ему нежного, ранимого очарования.

Было ли неразумно со стороны избалованного молодого господина из богатой семьи несколько раз менять костюмы в спектакле? Вовсе нет.

Помощница Тянь Синцзы сделала несколько снимков снизу на свой телефон.

Обычно фотографировать было запрещено, чтобы избежать утечек, но поддержка Чу Муюня со стороны инвесторов позволила сотрудникам закрыть на это глаза.

К десятому набору фотографий в костюмах менеджер по производству сделал несколько звонков. Ло И наконец-то пришёл, успешно опоздав, его лицо было мрачнее тучи, а макияж ему сделал его собственный стилист, а не визажист съёмочной группы.

Чу Муюнь закончил съёмку и спустился с ярко освещённой платформы, уступив место Ло И.

Он взглянул на своего соперника. Честно говоря, Ло И не был уродливым — по крайней мере, после того, как полностью преобразился. Презрение Чу Муюня было вызвано тем, что Ло И сыграл Великого Императора — персонажа, которого Чу Муюнь считал своей личной святыней. Ло И просто не мог сравниться с Великим Императором ни внешностью, ни темпераментом, ни осанкой, ни телосложением.

Ло И дебютировал на шоу талантов. Он был скорее симпатичным, чем очаровательно-красивым, как Чу Муюнь. Его предыдущий макияж подчёркивал острые черты лица и угловатые брови, создавая холодную, резкую атмосферу. Но для этой роли, чтобы соответствовать образу Бай Сяояна — наивного, стойкого и бедного деревенского парня, — он сделал макияж глаз минимальным, округлил уголки глаз и смягчил черты лица. В целом впечатление было невыразительным, как от простой воды, едва ли его можно было назвать привлекательным, да и то в обычном, скучном смысле. Если сравнивать с цветами, то он был похож на полевой цветок, который можно нарвать горстью на любом поле.

Короче говоря, он был ничем не примечателен и не запоминался.

По сравнению с тем, как Чу Муюнь изобразил фальшивого молодого господина Гу Минлуня, который сиял, как ярко-красная роза, кто бы вообще взглянул на полевой цветок, когда рядом была роза?

Помощница Сяо Син протянула свой телефон подошедшему Чу Муюню. Оглядевшись по сторонам, она прошептала:

— Учитель Чу, мне кажется, что актёрский состав для этой драмы подобран идеально.

Она искренне в это верила. Съёмочная группа, похоже, разделяла её мнение и обменивалась понимающими взглядами.

Только у Ло И было кислое выражение лица.

Чу Муюнь тихо усмехнулся.

— Это здорово, — прошептал он в ответ.

Ло И идеально подходил на эту роль. С таким удачным подбором актёров драма наверняка станет хитом.

Кстати говоря, его команда часто рассылала пресс-релизы о «невероятном таланте», принижая достоинства других участников шоу талантов, не так ли? Хе-хе.

Он не стал заикливаться на этом и принялся листать телефон. Он заранее попросил Сяо Син сфотографировать его. Открыв альбом, он тщательно отобрал пять фотографий из десятков, чтобы отправить их Лу Ханьчжану.

Через несколько секунд пришёл ответ: [Неплохо.]

Чу Муюнь настаивал: [Какая из них лучшая?]

В кабинете генерального директора Лу Ханьчжан инстинктивно хотел ответить: «Все хороши». В каждой фотографии было своё очарование, своя притягательность: на одной он мило улыбался, на другой смотрел страстным взглядом, а на третьей ткань его одежды намекала на соблазнительные изгибы. Но это было бы слишком поверхностно. Сосредоточившись так же, как при составлении проектных предложений, он увеличил каждое изображение, изучая каждую деталь, и, конечно же, сохранил их все одним щелчком мыши.

После долгой паузы он ответил: [Третья.]

Хе-хе, — Чу Муюнь сделал глоток минеральной воды, которую предложила Сяо Син. — Великий Император ответил только сейчас, должно быть, он уже целую вечность на них пялится.

В кабинете Лу Ханьчжан не сводил глаз с фотографии — третьей из тех, что он тщательно отобрал после долгих раздумий.

На мужчине на фотографии была льняная рубашка нежного кремового цвета, который подчёркивал мягкий свет. Стройные плечи и изящная фигура Чу Муюня сохраняли юношеский вид даже спустя годы после окончания университета. Слегка приподнятый угол кадра подчёркивал его острый подбородок, придавая ему надменное изящество белого лебедя. Лёгкий оттенок оранжево-красных теней контрастировал с его бледной кожей, придавая его внешности хрупкость, почти как от слёз.

Подобно кусочку драгоценного, но хрупкого белого фарфора, он вызывал первобытное желание разбить его. Его слегка приоткрытые красные губы словно манили, приглашали наклониться и попробовать их на вкус, схватить расстёгнутые полы рубашки и завладеть дразнящим видом его талии, грубо вторгнуться в него, запугать и раздавить его...

Дыхание Лу Ханьчжана участилось. Он прижал большой палец к красным губам на экране и провёл по ним, словно пытаясь раздавить.

С момента их расставания прошёл всего день. Если не считать двух страстных поцелуев Чу Муюня, они никогда не были близки.

И всё же мысль о том, что Чу Муюнь находится так далеко, в Шанхае, и что впереди их ждут два месяца разлуки, наполняла его невыносимым беспокойством и нетерпением.

<http://bllate.org/book/14355/1271658>